

сохранял свои полномочия по надзору за благоустройством Рима и других городов Италии⁸⁵, по наблюдению за правильностью денежного обращения⁸⁶, за развитием просвещения и образованности в Риме⁸⁷. Очень важной функцией сената оставалась забота о сохранении порядка в Риме и подавлении народных восстаний и недовольства знати⁸⁸.

Однако уже очень скоро началось ограничение реальной власти римского сената, что выразилось прежде всего в установлении контроля за его деятельностью со стороны остготского правительств. Этот контроль осуществлялся при посредстве главы сената (*pr̄ior senatus*), обычно ставленника остготского короля⁸⁹, и через особого королевского чиновника, который присутствовал на заседаниях сената, передавал сенату королевские рескрипты и послания, следил за тем, чтобы сенаторы выполняли указы короля⁹⁰. Сенат был фактически лишен законодательной инициативы: эдикты и указы, имевшие силу закона, издавались от имени короля и лишь доводились до сведения сената⁹¹. Король мог вмешиваться в судебную юрисдикцию сената и предписывать сенаторской судебной коллегии свои решения⁹². Сенат лишь утверждал должностных лиц, назначенных королем⁹³. Притязания римской сенаторской аристократии на освобождение от налогов не были поддержаны остготским правительством⁹⁴.

В характеристике уровня развития, которого достигла власть остготских королей в Италии, нельзя обойти молчанием, что уже Теодорих (а за ним и его преемники) чеканили монету, в том числе и золотую, со своими изображениями и от своего имени. Однако, не желая нарушать многовековую традицию и окончательно порывать связи с империей, они одновременно отдавали дань уважения римским императорам, продолжая чеканить на монетах их монограммы и изображения вместе с монограммами и изображениями остготских правителей⁹⁵.

Эволюция королевской власти в остготском государстве находит выражение и в том, что постепенно, при содействии церкви, начинает скла-

⁸⁵ Cassiod., Var., III, 10; IV, 51.

⁸⁶ Ibid., I, 10.

⁸⁷ Ibid., I, 39; II, 22; IV, 6; IX, 21.

⁸⁸ Ibid., I, 39; IV, 6.

⁸⁹ Anon. Vales., pars posterior, XII, 53.

⁹⁰ Cassiod., Var., IV, 16; III, 6, § 7.

⁹¹ Ibid., IX, 19.

⁹² Ibid., IV, 22.

⁹³ Ibid., I, 4, 13, 43, 44; II, 3, 16; III, 12; IV, 4; V, 4, 22; VIII, 10; IX, 23.

⁹⁴ Ibid., II, 24.

⁹⁵ О монетах и монетном обращении в остготском королевстве см.: I. Friedlaender. Die Münzen der Ostgothen. Berlin, 1844; F. F. Kraus. Die Münzen Odovacars und des Ostgothenreiches in Italien. Halle, 1928; U. Monnerret de Villard. La moneta in Italia durante l'alto medio evo. «Rivista Italiana di numismatica e scienze affini», XXXI—XXXIII. Milano, 1919—1920; его же. La monetazione nell'Italia barbarica. «Riv. Ital. di numismat.», XXXII, 1919, p. 22—38, 73—112, 125—138; XXXIII, 1920, p. 169—232.

Нумизматический и археологический материал широко используется для характеристики остготского королевства в работе: F. Altheim. Niedergang der alten Welt. Frankfurt am Main, 1952, S. 99—125. Некоторые ученые, главным образом романистического направления, ссылаясь на наличие императорских изображений и монограмм на остготских монетах, утверждали, что остготские короли не могли сами чеканить монету (Th. Mommsen. Ostgothische Studien, S. 362 f; M. Dumoulin. Le gouvernement de Théodoric..., «Revue hist.», t. 79, p. 190). Но в новейшей буржуазной историографии после появления специальных исследований о монетной системе в остготском государстве многие ученые под давлением фактов признают уже за остготскими королями право чеканки монеты — и даже золотой (W. Ensslin. Theoderich der Grosse, S. 161 f; E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II, p. 119). Любопытно отметить, что монетные клады, содержащие остготские монеты (наряду с византийскими), обнаружены далеко от территории остготского королевства.